

Р Ъ Ч И

при гробѣ Архипастыря-мученика, Преосвященнѣйшаго
Гермогена, епископа Тобольскаго и Сибирскаго.

Г. *)

Въ какой необычной обстановкѣ Господь привелъ намъ встрѣчать нашего досточтимаго Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Гермогена, взятаго въ великій день недѣли вай, тотчасъ по окончаніи богослуженія, подъ стражу, какъ преступника, бывшими тогда правителями и увезеннаго подъ покровомъ темной ночи изъ Тобольска?! И кончилось это невольное путешествіе Владыки такъ ужасно, такъ страшно, что не выразить и не изобразить той степени озвѣрѣнія, полнаго безсердечія и ожесточенія, какія проявили по отношенію къ нему дошедшіе до безумія и одичанія люди... Уже болѣе двухъ недѣль въ Тобольскѣ ходили зловѣщіе слухи о мученической кончинѣ Преосвященнаго Гермогена... Но не хотѣлось вѣрить имъ. Думалось, что люди, ратующіе за свободу, братство и равенство,—положимъ, понимаемые ими неправильно,—не могутъ быть такъ жестоки, такъ звѣрски безчеловѣчны. Думалось, что въ глубинѣ души ихъ, хотя испорченныхъ нравственно, остались небольшіе задатки добра, которые удержали бы ихъ въ послѣднюю минуту отъ

---

*) Рѣчь при встрѣчѣ духовенствомъ честныхъ останковъ святителя на пристани въ г. Тобольскѣ 28 іюля 1918 г.

злодѣйскаго убійства.—Къ глубокому сожалѣнію и сердечному огорченію всѣхъ сыновъ святой Церкви, слухи эти подтвердились: произошло то, что казалось невозможнымъ въ нашъ вѣкъ, гордящійся своимъ просвѣщеніемъ, законностью, правосудіемъ, гуманностью; произошло то, что нерѣдко можно читать въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, когда грубые язычники подвергали послѣдователей Христа всевозможнымъ истязаніямъ и мученіямъ, какія только могла выдумать сатанинская злоба; произошло нѣчто такое трагическое, ужасное, при представленіи чего невольно объемлетъ трепеть, леденѣетъ кровь и цѣпенѣетъ языкъ. Нашъ Архипастырь, чистый душею, горячій молитвенникъ прелъ престоломъ Божиимъ, ревностный стражъ своей паствы воспріялъ поистинѣ мученическую кончину. Подробности этого необычайнаго злодѣянія еще не извѣстны. Онѣ современемъ раскроютъ предъ нами потрясающую картину того издѣвательства и тѣхъ мученій, которымъ былъ подвергнутъ страстотерпецъ епископъ Гермогенъ.

И вотъ, мы теперь собрались сюда, чтобы встрѣтить честные останки его и съ честію проводить ихъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Какія же мысли и какія чувства волнуютъ насъ при этомъ печальномъ собраніи? Скорбь о почившемъ? Да, естественно скорбѣть, что неисповѣдимый въ своемъ божественномъ промысленіи Господь взялъ у насъ нашего пастыреначальника, когда онъ, по нашимъ человѣческимъ соображеніямъ, крайне нуженъ былъ, какъ яркій свѣтильникъ, горячій на свѣщницѣ церковной и свѣтившій не только всѣмъ, которые находятся въ храминѣ, т. е. въ святой церкви, но и за оградю ея.—Сокрушеніе и слезы о томъ, что ему пришлось перенести въ послѣдній годъ его жизни, и особенно въ послѣдніе три-четыре мѣсяца, тяжелыя и нравственныя, и физическія мученія и страданія?—Да, естественно сокрушаться и даже плакать объ этомъ, но не будемъ безутѣшно и безнадежно скорбѣть, какъ „неимущіе упованія“ (1 Солун., 4, 13). Почившій незабвенный нашъ Архипастырь претерпѣлъ мученія до смерти за вѣру Христову, за Церковь Христову, а потому удостоился за нихъ вѣчнаго блаженства и великой награды на небесахъ по вѣщанію Спасителя: „Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ“ (Мѡ. 5, 11—12).—Грусть и печаль о томъ гоненіи, какому подвергается нынѣ церковь Божія, служители и вѣрныя чада ея?—Дѣйствительно, что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть и сознавать, что преслѣдуется своими же сынами благодатная мать, духовно возродившая и воспитавшая ихъ,—уничижается, осмѣивается, подвергается поруганію и гоненію единственное—такъ сказать—небесное учрежденіе на землѣ, остающееся твердымъ и непоколебимымъ среди бушующаго моря страстей человѣческихъ, вѣщающее вѣчныя, высшіе идеалы и призывающее къ братству во Христѣ, любви, миру, нравственному усовершенствованію и искорененію всякой вражды, злобы и ненависти. Но припомнимъ слова Спасителя изъ прощальной бесѣды съ учениками: „Если міръ

васъ ненавидитъ“,—говорилъ Онъ,—„то знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ... Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ... Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ“ (Іоан. 15, 18—20; 16, 33). Такимъ образомъ, еще Господь Іисусъ Христосъ предрекъ враждебное отношеніе къ Своей церкви и Своимъ послѣдователямъ со стороны міра, и потому не будемъ поражаться тою злобою, какая нынѣ проявляется по отношенію къ нимъ. Тревоги, укоры и мученія совѣсти охватываютъ насъ при видѣ этого гроба за то,—не являемся ли отчасти и всѣ мы виновниками страдальческой кончины нашего Архипастыря?—Со стыдомъ и болью въ сердцѣ мы, пастыри и пасомые, должны сознаться, что наша теплохладность къ дѣламъ вѣры и церкви и къ страданіямъ нашихъ ближнихъ, наше попустительство и непринятіе своевременно самыхъ энергическихъ мѣръ къ спасенію своего Архипастыря дали возможность людямъ, для которыхъ не было и нѣтъ ничего святого, привести въ исполненіе свой злодѣйскій замыселъ—замучить до смерти того, кто мужественно обличалъ ихъ неправду и убѣждалъ свою паству не слѣдовать за ними. — Вѣдь всѣ мы въ минуту опасности оставили его одного и укрылись въ своихъ домахъ, заботясь только о своемъ самосохраненіи. Сознавая это, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ просить у Господа прощенія этого тяжкаго грѣха и искупить его своею приверженностью и всецѣлою преданностью водителству вѣры и Церкви, о которыхъ такъ часто говорилъ намъ почившій убіенный святитель. Горячо, краснорѣчиво и неустанно убѣждая при жизни свою паству располагать жизнь по завѣтамъ Христовымъ и быть въ тѣсномъ единеніи со святою Церковью, онъ, какъ добрый пастырь, душу положившій за овецъ своихъ, мученическою кончиною своею призываетъ всѣхъ насъ быть твердыми въ вѣрѣ и не колебаться никакимъ вѣтромъ ученія человѣческаго, крѣпко—даже до смерти—стоять за святую Церковь и не падить своей жизни для отраженія нападенія на нее и защиты ея. — Унесемъ отсюда этотъ призывъ и завѣтъ своего Архипастыря-мученика въ своихъ душахъ, напечатлѣемъ его въ своихъ сердцахъ и постараемся осуществить его во всей дальнѣйшей жизни и дѣятельности—семейной, общественной, политической и всякой иной. Это, несомнѣнно, укажетъ намъ вѣрный выходъ изъ того безотраднaго положенія, въ какомъ находится наша родина; это будетъ самымъ лучшимъ выраженіемъ нашей любви, преданности и сыновней почтительности страдальцу-святителю; это будетъ самымъ лучшимъ и драгоцѣннымъ памятникомъ ему съ нашей стороны; это искупитъ и нашу вину, что мы не имѣли мужества своевременно стать единодушно на защиту Богомъ даннаго намъ Архипастыря въ тяжкую минуту жизни его.

Прот. Д. Смирновъ.